

ЧЕЛОВЕК И МИР

Социум: ценности и смыслы

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ

А.Е. РАЗУМОВ

Мудрее всего время, ибо оно раскрывает все.

Фалес Милетский

Люби не то, что хочется любить,

А то, что можешь, то, чем обладаешь.

Гораций

Разговор на заявленную, неисчерпаемую, бездонную тему автор поведет, вглядываясь в нее из XX столетия, на что есть свои причины.

Во-первых, за XXI веком, где я имею честь пребывать, не значится пока великих, неоспоримых, «доведенных до ума» научных открытий, но больше намерений — это совершенно особый комплекс проблем. Во-вторых, в достижениях областей культуры он не только не превзошел предшественника, но даже еще не сравнялся с ним. В-третьих, за новым веком не числится ни мирового значения революции, ни одной мировой войны, поясняющих некоторые подвижки «глобализации» и некоторые аспекты человеческой личностной и групповой природы, а также социологии совокупного человечества. XX век существенно проясняет определенные составляющие и изменения в их, так сказать, ментальности. Например, сегодняшняя взрывная ситуация в северной Африке, грозящая перелиться в близкие и собственно российские регионы, также родом из XX столетия, из его специфического национально-религиозного глобализма. Наконец, все мои ценностные установки, практические усилия, надежды и разочарования, ожидаемое и несбывшееся, также формировались тогда, а теперь отчасти и принадлежат былому. Словом, люблю не то, что хочется, а то, что могу, — по совету Горация. Хотя вопрос, чем я обладал в мое время, остается и для меня не вполне проясненным. Ясно, правда, что человеческий век не совпадает с хронологией, и это не в последнюю очередь зависит от идей, которые он исповедует. Итак, об идеях.

В истории человеческих сообществ встречаются идеи, которые однажды, не случайно, возникнув, в дальнейшем уже никогда из нее не исчезали. Возможность наполнения этих идей новыми смыслами кажется неисчерпаемой и действительно, по крайней мере, практически, беспредельна. Казалось бы ортодоксии — их привычная среда обитания, однако они плохо терпят смиренные рубашки догматов любой природы. Объявившись как результат смутной и глубокой интуиции древних, в недрах первых значительных, а затем и мировых религий, более отчетливое и более мирское толкование они получают уже в греко-римской Античности. Сторонникам радикального нового мышления полезно знать, что все последующие культурные очаги европейской цивилизации обнаруживают в перечне, в списке этих идей не так уж много радикально нового. Но главное, что через их посредство осуществляется переключка, общение с предками. Наши предки что-то сообщают нам, а мы несем эти знания потомкам. Мы обращаемся к будущему, а будущее как бы говорит с нами. Это как бы коммуникация поколений, то, что выделяет человека из всего мира живого.

Разумеется, вышесказанное не означает, что следует некритически относиться к тому, что было до нас. В конечном счете, для всякой личности, для моего «Я» самыми существенными вопросами являются «Кем я был, когда меня не было? Кто я в этой жизни? Кем я буду, когда меня не будет?» Так полагали мудрецы Поднебесной.

Единство-гармония человека и Космоса (безличного, как у греков, и личностного, как у христиан), человека и общества, гражданина и государства, законосообразность мирового и социального порядка, логос, воля и произвол, необходимость и случай, ограничение свободы — рок и провидение, — личная свобода, развитие уникальной индивидуальности. Бескомпромиссное добро, совершенная красота, открытое бесконечностям познание, абсолютное благо, идеальная справедливость и прочее, что составляет атрибуты и модусы Совершенства, светили еще ионийцам и по-иному, из других светильников, на берегах Нила, Мертвого моря, Тигра и Евфрата, Ганга и Хуанхэ.

Рискованно прилагать абсолютные идеи непосредственно к истории — слишком причудливые, порой едва узнаваемые формы они принимали в истории в версиях политических и гражданских движений, деспотий, монархий, республик, демократий; в реальных и светских моральных системах; в идеологиях, философиях и теософиях. Может показаться, что задаваемая идеологиями «логика истории» состоит в ее алогичности. Все-таки логика «проводит» истину от посылок к следствиям. Если истинны посылки, следствия

не могут быть ложными. В истории же часто благие намерения оканчивались кошмарными результатами.

«Всеобщее» как идея-понятие живет в каждой идеологии, но ни какой бы то ни было идеологией, ни их суммой не покрывается и не исчерпывается. Согласно иудейскому канону, Яхве явно предпочитает своих поклонников всему остальному населению мира, мусульманин с подозрением относится к христианскому Богу и т.д. — по религиям, церквям, конфессиям, сектам. Атеисты-вольнодумцы порой в языческом суеверии полагают, что являются носителями нравственности более высокого порядка — подлинно человеческой нравственности. Коммунисты считали свой образ идеального человечества предуготованным, пребывающим в динамике мировых процессов, в уже упомянутой «логике истории». Они полагали, что, выступая от имени пролетариата и Труда, представляют всеобщий интерес. Иными словами, идеологиям и доктринам не приходится жаловаться на недостаток амбиций и иллюзий. И так было всегда, для всех партий и идеологий, пока, наконец, не забрезжило понимание того, что в современном мире требуется не корректировка «частных», «особенных», узкопартийных установок, а глубокие структурные изменения во всем комплексе политического мышления; необходим более глубокий социальный, культурно-смысловой и моральный синтез. На какой основе — это другой вопрос, но скорее всего и он утрачивает свою былую категоричность. Хотелось бы надеяться, что будущее за теми политическими образованиями, которые осознают социальные, моральные и рациональные императивы мирового единения в ответ на мировые угрозы.

Общечеловеческим идеям тесно не только в плену одной партии, но и в границах одного периода, одной эпохи, одной человеческой формы. Выраженная в высших образцах религиозного и философского сознания, их нравственная чистота столь велика, что не может до конца воплотиться в отдельной личности даже самого яркого и сильного характера. Еще менее на это способны целые народы и нации. И все же они никогда не исчезали с горизонта существования, из реальной истории, хотя часто — в религиях и мифах, поэмах и сагах — выносились за эти пределы. Но главное, они всегда участвовали в выборе наших дорог.

Судьба общечеловеческих ценностей не прерывалась и в самые смутные времена. В самые тяжкие годы в народе жил неясный образ чего-то высшего, что стоит за пределами текущего бытия — унылой или трагической повседневности. Так или иначе, народ ощущал его притягательную душевную силу. Но одних эта высшая сила звала к самоусовершенствованию, к молитве — в церковь и храмы, других — к топору, на баррикады, в революцию. И часто люди соблазнялись

ложными идеями. Иногда же казалось, что социальная гармония на дистанции вытянутой руки, на расстоянии одного исторического шага.

Как сравнивать великое и малое? Павел Милюков, некогда и сам претендовавший на первые исторические роли, вспоминал, что увидев небольшой холм при выезде из Дарданелльского пролива, чрезвычайно поразился: «Это Хиссарлык». — «Как?» — «Это древняя Троя!» «И, значит, вот тут, на берегу, был расположен лагерь греков, а в этом самом красочном заливе стояли корабли, которых не мог пересчитать Гомер?! И на этом самом блюдецке происходили знаменитые бои? Невозможно!» — Значительное и малосущественное могут приобретать в интерпретациях смыслы совершенно несообразные их исторической роли.

Особенно трудно, а порой, как представляется, и невозможно отделить подлинную историческую реальность от ее последующего знаково-смыслового оформления, когда события, тексты, люди становятся идеологическими символами, обретают статус идеологических, мировоззренческих ценностей. В состоянии ли мы, например, сегодня (или когда-либо) отождествить, идентифицировать одно из многих толкований «Капитала» с тем рядом психических состояний, которые переживал автор в процессе его создания, и тем самым открыть для себя «подлинного» Маркса? Сомнительно. Но, может быть, это совсем необязательно?

Кажется, спустя два тысячелетия так ли уж необходимо установить, кто (что за человек?) родился однажды в холодную зимнюю ночь в иудейской Галилее? Ведь мы не можем, как некогда пастухи, сказать: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь». Пойдем и посмотрим... Не счесть всех авторов, что стремились реконструировать (а скорее дополнить!) это еще сравнительно свежее предание жизнеописанием человека, выросшего в Назарете, — странника и проповедника, казненного на Голгофе. Однако неизмеримо важнее, что этот «кто-то» сумел проповедью потрясти до основания религиозное чувство современников и потомков, утвердился в людском сознании в образе и качестве Бога-Спасителя и с той поры (как и библейские пророки, Шакьямуни Гаутама — «последний будда», Пророк из Мекки и Медины) направляет пути истории. Легенда и реальность составляют здесь одно целое: в сущности — это *один феномен*. Миф и прототип слиты, живут общей жизнью: черты исторического лица неразличимы, теряются и в сумраке времени, и в ярком, слепящем сиянии священного Лица. И сколько бы ни прилагали усилий для дешифровки легенды, она не умирает, пока живы питающие ее социальные и психологические условия.

Конечно, было бы очередным идеологическим мифом представлять дело вполне безнадежным. То, что не исполнимо «здесь и теперь» как одиночное актуальное событие, разоблачающий или утверждающий текст, политическая акция и т.п., осуществимо как процесс, как целенаправленное историческое движение. Правда, не обладая способностями и неограниченными возможностями сверхсознания, мы не можем заранее определить хронологические рамки процесса; нам неведомо, когда окончательно осядет пыль веков, а может, десятилетий, ибо таков «разброс» во времени для исторической жизни идеологических символов. Зато мы легко можем демаскировать их в качестве таковых, указав на претензии абсолютной истинности, универсальной общезначимости, обнаружив сокровенную мечту идеологий: проникнуть подобно частице в микромире сквозь «энергетический барьер» — из пролога прямо в эпилог исторических драм. Короче говоря, исторические движения способны все-таки различать в рамках отмеченного феномена событие и памятный *знак* события, «розу» и «имя розы».

В этом смысле историческое движение обладает большей реальностью, завершенностью, необходимостью, истиной, чем любой из его однократных фрагментов.

XX век, насколько можно видеть, находясь в начале века XXI, был веком усиленного создания и массового распространения идеологием и отнюдь не мифических политических движений. Это было время усилий гениальных умов и безудержного стремления к личной власти, время надежд и трудных, трагических разочарований. Человечество прорвалось к тайнам ядерной материи и едва не сгорело в ее пламени.

Мир, расколотый классовыми, государственными, национальными, религиозными антагонизмами, революциями, мировыми и «локальными» войнами, не раз вступал на порог, за которым — провал, *кризис существования*, с весьма проблематичными перспективами благополучного исхода. До сей поры нет полной ясности: греемся ли мы у последних нефтяных и газовых костров цивилизации или, наоборот, встречаем робкую зарю новых времен? Нет строгих и решительных социально-политических и индустриально-технологических ответов на политическую и социальную раздробленность мира, на вооруженное противостояние, на эскалацию потребления природных ресурсов, другие мировые угрозы.

Поиски причин приводят если не к «природе человека», то едва ли не в тень египетских пирамид, к первым парадигмам сознания, ведут через Возрождение к кризису Реформации, капитализму и современной истории. Непрерванный и преобразованный сознательными усилиями причинный ряд дотянется до последних

рубежей того исторического мегацикла, где человека формирует и деформирует *отчуждение*, где изобретательный интеллект занят поисками наиболее эффективных и рациональных инструментов для убийства себе подобных (в конечном итоге для самоубийства!).

Здесь имеет смысл поговорить о том, что условно можно назвать социализмом, т.е., в моем понимании, организацией хозяйственной, политической и социокультурной жизни, которая основана на общественном согласии, сотрудничестве и противостоит эксплуатации, политическому насилию и диктатуре идеологий. Следует только иметь в виду, что «социализм» — не столько абстрактное, теоретическое, научное понятие, сколько *программа* непрерывного исторического поиска и действия. Поиска и действия, в которых бесспорные моменты общечеловеческой Истины соседствовали с тяжкими заблуждениями. Иллюстрации этого тезиса можно без труда отыскать на полигоне грандиозных социальных проектов — жизни общественных движений ушедшего столетия. Это столетие моего основного обитания, а посему к нему в основном направляется этот мой текст.

Начало и первые десятилетия XX века — время сначала младенческого увлечения, затем массового поклонения двум, казалось бы, полярным идеалам: идее грядущего единого национально-расового сверхчеловечества и идее будущего интернационального мирового сообщества без экономических классов, политических государств и партий. Именно таким образом виделось многим интеллектуалам (а среди них случались и незаурядные — порой выдающиеся! — политики, мыслители, литераторы) идеальное общественное устройство; грезились быстрый и решительный скачок из предыстории в подлинную историю, из царства необходимости в царство свободы. В Европе на одном полюсе — «по ту сторону добра и зла» — зачитывались «Заратустрой», социал-дарвинистами, толковали о пользе войн для прогресса рас и человеческого рода, о социобиологической селекции, евгенике, социальных инстинктах масс, на другом — штудировали «Капитал», Прудона, Бакунина, Кропоткина, всматривались в вооруженные восстания, революционное насилие, жаждали социального равенства, экспроприации экспроприаторов, торжества Разума, конечного всеобщего Братства и Справедливости. Речь, понятно, идет не обо всех тенденциях.

Несмотря на разницу в постулатах, исходных посылах, впоследствии обе идеологемы скрывали социальные результаты деятельности и истинные претензии партийно-государственных систем, принявших их в качестве официальной легенды — мифической цели общества. В тоталитарных режимах сходным образом устраняются институты демократии, массы объединяются с помощью репрессивных военно-полицейских мер, «власть народа» состоит в полном

подчинении воле вождей и партийных машин, труд становится государственной службой, анархию рынка вытесняет милитаризованная экономика. Ограничивается потребление трудящихся, государство укрепляется, отнюдь не заботясь о благополучии граждан, оно уже — вооруженный лагерь, готовый к авантюрам. Та часть населения, которая полностью интегрирована предельно бюрократизированным и схематизированным тоталитарным государством, образует единство. Это абстрактное единство, абстрактная общность абстрактных людей, царство чистого количества, враждебное Личности и подлинным национальным связям.

И здесь, и там возникают новые правящие партийно-государственные элиты, слитые с «генералитетом» тяжелой индустрии, машиностроения, руководством армии и тайных спецслужб. Образуются внутренние, замкнутые «охранные отряды» янычаров (безродных, усыновленных люмпенов) политической системы, отделенных от народа и готовых в случае нужды повернуть против него оружие. Война и террор — подлинная реальность этих социальных систем. Мы имеем дело с социальным кризисом, суть которого — политическая и военная диктатура, крайний идеологический конформизм, «закат» культуры и варварство. Ставятся под сомнение два давнишних постулата гуманистической мысли: неизменно моральный разумный характер народа и непреложность исторического прогресса человеческого разума.

Все вместе носит кодовое название «Социализм», хотя «Социализм» здесь — не более чем заклинание в культовых обрядах.

Вывод, который из этого со всей очевидностью следует, — тот, что дороги, которые «мы выбираем», торятся не одними идеологическими упованиями. Хотя идеологические символы и смыслы, мифы, утопии, несомненно, управляют поведением в человеческих сообществах, они не сохраняют своего изначального, первозданного значения. Не существует идей, вынутых из социального и политического контекста, более того, они — его существенная часть. Меняются контекст, человеческий материал, меняется и содержание идей. Выводить сталинизм напрямую из Маркса или даже из Ленина не более умно, чем объявить авторами нацизма Ницше или Р. Вагнера. Одни — «социалисты от науки» — строили казарму за колючей проволокой под аккомпанемент Марксовой критики «казарменного коммунизма», другие — представители «фаустовской культуры» — учинили такую «философию молотом», какая Шпенглеру и Ницше могла привидеться разве что в бреду.

Маркс в Послесловии ко второму изданию «Капитала» цитировал русского рецензента: «Каждый крупный исторический период имеет свои законы». Ленин не уставал повторять, что то, как конкретно

будет выглядеть социализм, «этого мы знать не можем». Тем не менее и тот, и другой судили о будущей эпохе по своей собственной. Да и разве могли они предвидеть информатизацию, компьютеризацию, чудеса технологий, рост и усиление средних сословий и тому подобное — все, что определяет лицо современного мира? Что, упрекать их за это? У каждого мыслителя, пророка, политического лидера — своя мера ответственности. Ответственности прежде всего перед современниками; за будущее, тем более отдаленное будущее должны отвечать потомки. Попытки взвалить собственные пороки, «грехопадение» на жителей прежних эпох — это еще один вариант «бегства от свободы». Сегодня наша финансовая и политическая элиты сделали все, чтобы дискредитировать понятие, а практику социализма представить в сугубо негативных мрачных тонах. Однако, при всех пороках большевистский социализм опирался на идеалы социальной справедливости и народовластия.

Не думаю, что стоит верить Жозефу де Местру: любой народ имеет то правительство, которого он достоин. Правительства часто возникали по независящим от народа причинам. Но то, что каждый народ воспринимает только те социальные программы, которые в состоянии воспринять, — это абсолютная истина уже в силу того, что она тавтологична, а значит, справедлива во всех возможных мирах. То же, как, каким образом он их воспринимает и толкует, — это уже не тавтология, а серьезная социальная проблема, ибо народ воспринимает социальные программы (реалистические и утопические), трансформирует их в идеологии не иначе, как сообразно собственному историческому, жизненному опыту. Ни немецкий, ни советские народы не были достойны Гитлера и Сталина, однако не одни же партийные бонзы творили из малого «великое», участвовали в публичных мистериях прославления вождей.

Сартр в «Детстве вождя» пытался объяснить феномен гитлеризма комплексами, антисемитизмом, равнодушием к людям, дегенерацией личности. Неясно только, почему вдруг комплексующими дегенератами оказалась половина Европы, а в ней подавляющее большинство немцев. Ранее, да и до сей поры, кое-кто был занят поисками комплексов и признаков психических расстройств у Сталина, как будто это имеет серьезное значение, как будто Сталин (как и Гитлер) представляет какой-то интерес вне той политико-социальной системы, в которой он обретался, вне идеологической мистификации и массового самообмана людей по поводу его личности.

Если в российской истории редко светило мирное солнце, если ей сопутствовали бунты, поджоги помещичьих усадеб; если реформы часто пресекались казнями и репрессиями, если, наконец, народ и церковь триста лет молились «дому Романовых», то спрашивается:

какой облик должны были принять в ней марксистские идеи насильственного искоренения насилия и демократии посредством диктатуры? Каких кумиров должен был сотворить себе народ, в котором жила еще память дыбы и пыточного застенка, народ, едва страшнувшийся с себя обломки деспотии и абсолютизма? Впрочем, страхнул ли?

Но то, что сегодня обязана проделать добросовестная мысль, — это понять и отдать должное былым реформаторам хотя бы тем, что не станет умерщвлять их, вырывая из исторического контекста сложнейших проблем, привычных социальных условий, тем, что будет снисходительна к неповерхностным заблуждениям; тем, что вычленил и поймет непреходящую ценность если не конкретных программ, то (пусть утопического) *замысла* итоговой социальной справедливости.

Еще Макс Вебер называл угрозы фундаментальной демократии — концентрация в одних руках средств производства, концентрация средств политической борьбы и военных действий. Бюрократическое однопартийное государство осуществляет такую концентрацию в невиданных ранее масштабах. Социальная практика и социальная мысль добавили к этим угрозам новые факторы риска, провоцирующие преобразование государства в нового феодала во главе с новым монархом. Образуются новые социальные функции и новые группы интересов. Имеются в виду прежде всего формирование новых элит и концентрация в их руках средств массового воздействия, монополизация знаний и информации.

Концентрация административных функций в бюрократических структурах ведет к тому, что, как отмечал Вебер, мы все в «ужасающей степени» становимся членами систем. Прежние правящие элиты принимали ответственные решения, руководствуясь общими соображениями, понятными сравнительно широким кругам. Теперь рационализация общественной жизни связывается с деятельностью высокоспециализированных и часто узкоограниченных экспертов. Социальное и социотехническое знание сконцентрировано в среде немногих политиков, которые к тому же имеют обыкновение скрывать методы и аргументы принимаемых решений завесой секретности. Сталин обладал (или думал, что обладает) нераздельной монополией на информацию, что, конечно, способствовало становлению мифа о его личной непогрешимости и давало возможность выступать арбитром в спорах ведомственных интересов. И все вместе вело к крайней функциональной неразумности системы, к многочисленным трагическим провалам (вроде страшного голода 1932 г. или гибели армий в 1941), к перехлестам аппаратных честолюбий, отсутствию механизма обратной связи

между народом и государством, к «частичному», «отчужденному» сознанию. До недавнего времени многие программы обновления (хорошо, если не все!) напоминали мыльные пузыри по той причине, что их авторы не владели необходимой информацией о реальном функционировании военно-промышленного комплекса, механизма работы ведомств, золотодобыче, валютных операциях и т.п., т.е. об экономической системе в целом.

К. Мангейм, наученный опытом Второй мировой войны, не пошедшим нам впрок, исследовал «Общество в период перестройки». Ничего подобного у нас мне читать не доводилось. Изучая функционирование демократических и тоталитарных обществ, он отмечал и вышеназванные факторы — тенденции концентрации власти, рост отделенной от других социальных слоев бюрократии как необходимой функциональной единицы, идущей на смену индивидуалистическим организациям прежнего либерализма, и другие угрозы фундаментальной демократии. Выход он видел в плановом регулировании общественной жизни и росте демократических свобод. Действительно, западные демократии последних десятилетий идут именно этим путем. Хотя плановое регулирование таит в себе соблазны тоталитаризма, сам по себе план не несет обязанности диктатуры. Напротив, стихия, неконтролируемые рациональные инстинкты массы напрямую ведут к военно-полицейскому социальному порядку.

Первая половина XX века — время, которое, как никакое иное, определяют экономика, политика и их продолжение иными средствами — война. Характерной чертой экономики явилась экспансия монополий. Обслуживающая их политика отбрасывает мораль как нечто внешнее и необязательное. Экономика вносила в политику дух коммерческой сделки — политика подчиняла мораль соображениям выгоды. Сегодня наивные, левоверные, лукавые «историки» утверждают, что разрыв политики и морали есть отличительное, фундаментальное свойство исключительно сталинизма и вообще коммунистических теории и практики, «соблазненных» идеями классовой борьбы и диктатуры. Насчет сталинизма — это правда, но не вся. Тот, кто знает, какой мутный поток лжи и лицемерия изливался в «мировой океан» политики из различных «демократических» (консервативных и либеральных) правительственных кабинетов, тот не будет столь категорически односторонен.

Родившиеся на дипломатических раутах, в великосветских салонах, в недрах тайных дипломатий и спецслужб, политические «партии» со вкусом разыгрывались на всех политических континентах — везде, где «искусство возможного» отводило народам роль отнюдь не самых весомых фигур. Первая мировая война велась

под знаменами справедливого передела мира, а значит, народного блага. Ее следствие — Вторая — под теми же флагами. Одни хотели установить «совершенный» мировой порядок («один народ, одна партия, один вождь»), другие — стабильный европейский дом под патронажем великих держав (без СССР и коммунистов). Демократические правительства на Западе много толковали о согласии, удовлетворении «справедливых» территориальных претензий, о пользе плебисцитов, самоопределении наций, правах нацменьшинств. Короче, жаждали (всеобщего) Умиротворения. И интернировали героев Мадрида, предавали народы Австрии, Чехословакии... Сталинизм и гитлеризм можно понять только в общем потоке истории и не как его случайное завихрение. Западные демократии лишь после войны не только обрели экономическое, политическое, национальное, территориальное видение общественных проблем, но и стали понимать их как *социальную* задачу. Не без влияния коммунистического, социального способа мышления — о чем теперь все предпочитают забыть.

Еще задолго до Мангейма на изломе столетий западная социологическая мысль обнаружила появление на исторической сцене нового драматического явления — «толпы». Кричали и собирались на площадях, конечно, и раньше. И раньше «святая простота» терзалась нетерпением, требуя сожжения Яна Гуса. Но с распространением средств массовой информации, с появлением массовых печати и грамотности, тем более — возможности передавать возбуждающие импульсы по проводам и радиоволнам, появилась и возможность образования «неклассической» толпы, жестко не связанной «единством места». Когда в ходе «культурной революции» руки выводили: «Мы не рабы!», головы наполнялись грамотой и, реже, моральной, правовой и политической культурой. Грамота — это возможность овладения культурой, но также и возможность манипулирования сознанием. И очень похоже на то, что истинная культурная революция еще впереди.

В отличие от многоголосья публичности голос толпы всегда неистово криклив и уныло однообразен, и давно замечено, что она отличается крайним непостоянством. Не видно поводов, почему политический руководитель обязан избегать популярных лозунгов. Объяснение с публикой — одно из условий его роли. В этом общении он учится внимать полифонизму истории, понимать различие потоков интересов, многообразие запросов и мнений. Иное дело — апелляция к сумеречному сознанию и разрушительным инстинктам толпы, плебса. Идеализация «массы» дорого стоит самому народу. Тоталитарная диктатура — это всегда триумф и трагедия толпы и ее вождей. Массы, соблазненная идеей собственного превосходства — расового, нацио-

нального, классового, религиозного, — становится саморазрушающей силой. Политические вожди, в конечном счете, отвергаются народами. Так утверждает социология исторической жизни.

Встает вопрос политической и моральной ответственности. Есть два типа политиков. Первый не задумывается и не переживает перспективу своего неучастия в будущем, второй помнит о том, что может случиться после его вынужденного отхода от дел. Первые правители, «не достигнув желаемого, делают вид, будто желали достигнутого» (*Монтень*). Вторые «не льстят массе» — им нет нужды во внешних признаках почитания. Политическое действие здесь то, в чем реализуется мысль, воля и честолюбие; дело говорит само за себя и не нуждается в карнавальных почестях подлинных и мнимых поклонников.

Какие правители, какого типа ныне правят Россией и мною предоставим судить будущему. Пусть оно вынесет окончательный вердикт.

Существует (или должна существовать) асимметрия в наших оценках исторических событий. Будущие проекты мы обязаны судить строже, чем уже свершившиеся. Абсолютная категоричность оценок во всех случаях плохо согласуется с онтологией истории, с необратимостью «стрелы времени», с невозможностью изменить прошлое. Будущее же сотворимо. Сотворимо, правда, не всегда сегодня и завтра и не только нами. Отсюда весь непростой смысл настоящего и вся мера ответственности. Настоящее мы должны оценивать всего бескомпромисснее. Что проку каяться сегодня за прошлые революционные *грехи* большевизма, во многом обусловленные общим нарушением «равновесья диких сил» (*Тютчев*), хотя нельзя закрывать глаза на преступления, равно как и следует учитывать ошибки. Через настоящее проходит возможность социальной перестройки, а также самоперестройки, а по другой терминологии — покаяния.

Не только одни марксисты настаивали, что практика является единственным и окончательным критерием истинности доктрин. Однако сама практика не спешила следовать этому тезису. Столетия она подтверждала правоту системы Птолемея, да и теперь подтверждает систему «неподвижных звезд», когда необходимо — в пеших походах, кораблевождении, воздухоплавании — сориентироваться в подлунном мире и малых скоростях. В огромном количестве мнений практика семь десятков лет доказывала превосходство социалистического социального строя, а многим доказывает и сегодня. Другие придерживались прямо противоположного толкования. Отсюда следует, что практика, практическое движение не доказывают ничего сверх предметной и социальной ориентации сознания, «посюсторонности» человеческого мышления. Чтобы

быть критерием чего бы то ни было, «практика» нуждается в постоянных инъекциях корректирующего интеллекта и моральных долженствований. Попробуйте обойтись здесь без выдающихся умов и великих подвижников.

Так важно ли нам знать, кто давным-давно родился в Галилее? Великий Кеплер занимался вычислениями с целью установить, позволяло ли периодическое сочетание Сатурна и Юпитера с Марсом в созвездии Рыб появиться в этом огненном треугольнике звезде, которая в назначенное время светила волхвам над Вифлеемом. Теперь мы знаем, что задача была сформулирована не вполне корректно. Да это и не главное. Не имеет значения, где родился Иисус — в пещере или яслях для домашних животных. Однако принципиально и важно, как попал ему на голову терновый венец; непринципиально и неважно — в мифе или фактически, в силу простого, по тем временам необходимого и обыденного сцепления событий или как результат сознательного морального выбора. В первом случае ничто не умаляет нашего сочувствия, во втором оно перерастает во властительную силу, зовущую к подражанию в нравственном действии. В качестве исторического путеводителя человеческий, личностный образец может сиять ярче, чем все новые (и «сверхновые») звезды в созвездиях Зодиака.

В свое время один из убежденных сторонников христианского Бога — Паскаль предлагал знаменитое пари: тот, кто «ставит» на существование Бога, в случае удачи выигрывает бесконечную жизнь; в случае проигрыша — ничего не теряет. Критики возражали, что если кто-то всю жизнь «ставит на пустоту», он рискует бессмысленно растратить то небольшое, что имеет. Отвлекаясь от религиозных символов и понятий надо спросить: есть ли смысл звать к совершенству, коль скоро оно не реализовалось нигде в истории? Спасет ли мир красота? Правда ли, что добро, красота и истина слиты в нерасторжимое, гармоничное единство? Еще греки обнаружили конфликтность красоты и пользы — того, что «прекрасно», и того, что «полезно». История демонстрирует такие истины, которые не вяжутся не только с божественной благодатью и сияющим нечеловеческим обликом, но и с простыми, незамысловатыми запросами человеческого общежития, даже с самим фактом его существования. Много ли добра и красоты оказалось в жестком излучении, «оборонных инициативах», социальных иерархиях, бездумном престижном потреблении, эксплуатации и эгоизме? Как совместить с «предустановленной гармонией» мировые войны, экстремизм, смуты и революции?

В XX веке мир спасали эстетики «всех времен и народов», идеологии и радикальные политические движения. Они, подобно Гегелю, утверждали, что «все действительное — разумно», а все «разумное»

обязано стать «действительным». Конечно, это не так, и это чистая идеология. Человеческая история пережила много неразумного, и не все разумное сегодня в ней осуществимо. Но ведь вопреки распространенному мнению идеологии никогда не бывают исключительно «ложным сознанием». Древний грек считал бы верхом бессмыслицы утверждение: «Луна больше Пелопоннеса». Древний еврей не усматривал ничего странного в предании о том, что кит однажды на трое суток проглотил пророка Иону. Тем не менее ни современный человек, ни вся его великоумная наука не уделяют столько внимания человеческой душе, сколько уделяли эти люди. Тот из бастардов (неотроцкистов) от юной демократии, кто бестрепетно обличает и иронизирует над заблуждениями недавних предков, рискует очень удивиться, если вдруг обнаружит, что иные завтрашние демократы ничем не лучше, чем вчерашние коммунисты, тем более, что речь часто идет пока об одних и тех же людях. Горький, Бунин, Фадеев, Артем Веселый, Булгаков, Солженицын, не говоря уже о наших зарубежных соотечественниках, смотрели на одни и те же события, а видели разные. Можно ли сказать, что кто-то из них слепец? Или что кто-то «узрел истину» во всей полноте?

В языке идеологий «обитает бытие», иначе они не обладали бы такой жизненной силой. Правда, это часто бывает в весьма деформированном виде — тогда и «небытие» в них также присутствует. В последние же десятилетия многие традиционные и вновь возникающие идеологии обнаруживают намерение более широко представить общечеловеческие ценности, всеобщий интерес, единое человечество, не изуродованную среду обитания. Идеологии обретают вкус к рефлексии — исследованию собственных социальных и идейных предпосылок, к критическому изучению принятой методологии объяснения и политического действия. В этом плане мы видим, что идет процесс *деидеологизации сознания*.

Естественно, все очень непросто. В последнее время слишком много развелось «учителей народа». Будем надеяться, что это «детская болезнь» социального обновления. Для сегодняшнего дня характерно неприятие слова «социализм». Необходимо время, чтобы понять: так же, как история христианства не исчерпывается историей инквизиции, избиением гугенотов, мрачной свирепостью кальвинистов, так и историю социализма нельзя (неисторично!) отождествлять с ее реакционными и консервативными периодами. Нам неизвестны пути его дальнейшей эволюции. Заповедь «не убий» неповинна в том, что во все времена убивали. Ни Колыма, ни сталинизм не следовали из «Критики гегелевской философии права» и «Немецкой идеологии». Всеобщие идеи не становятся ложными оттого, что их искажают.

Еще раз спросим: возможно ли полное единение свободы, истины, добра и красоты? Да, в абсолютной идее, в метафизике, в мечте и надежде. Но ведь мечта и надежда — тоже факторы человеческой истории. Иногда они более действенны и реальны, чем простые, «позитивные факты». Если верить наскальным рисункам, терракотовым статуэткам, храмам и росписям, красота спасает мир уже не одну тысячу лет.

Инквизиторы желали своим жертвам вечной жизни — через очистительный костер. А еще были люди, к которым добро и зло имеют не большее отношение, чем к динозаврам. Но вот, говорят, Макиавелли в одном из писем утверждал, что писал свои поучения государям, чтобы разоблачить обычную практику тиранов. Может быть, так и было?

Мысль не может предвидеть свои будущие состояния, поэтому возможности исторической коммуникации ограничены. Полностью она возможна в вечности, которая, не зная ни прошедшего, ни будущего, творит из своего «теперь» и прошедшее, и будущее. Так полагал наш предок и учитель патристики Августин Аврелий, епископ города Гиппон, родоначальник христианской философии истории. С другой стороны, со стороны Востока, мыслитель в Поднебесной убеждал, что постигший истину человек отвергнет «оцепенение вечности» и примет «бег мгновений».

Кто из мудрецов более соответствует историческому состоянию нашей души, решит будущее. Нашей — это значит состояние души глобального «человека» (А. Зиновьев). Может быть, мы научимся, наконец, ценить «бег мгновений». Ценить время, которое проживаем, время, которое нам даровано. Такую «коммуникацию», связь между прошлым и будущим хотелось бы «созерцать» в единственно реальном (Аристотель, Августин) для нас настоящем. В такое мирозерцание, в такое состояние мировой души, хотелось бы верить.

Аннотация

Существуют идеи и идеологии, которые, возникнув в рамках религий и философии, в дальнейшем не исчезают. Идеологии стимулируют исторический выбор. Они же отвечают за «коммуникацию», за связь поколений.

Ключевые слова: идеи, идеологии, движения, политические партии, социализм, история.

Summary

There exist ideas and ideologies that, having once emerged within a religion or philosophy, endure for centuries. Ideologies direct historical choice and are also responsible for links between generations.

Keywords: idea, ideology, movement, political party, socialism, history.